

Известия. — 1997. — 21 марта. — с. 6

«Табакерка»

с отелем и паркингом

Театр, выживающий по законам Дарвина

Елена ЯМПОЛЬСКАЯ,
«Известия»

В Театре Олега Табакова — вторая премьера этого сезона. «Старый квартал» Теннесси Уильямса в постановке Андрея Житинкина. Спектакль экстравагантный, эпатажный, эффектный. Много секса и еще больше разговоров о сексе. Надрызг, слезы, крики, кровь, грязь... Пожалуй, основной недостаток «Старого квартала» — это избыточность во всем. В натуральных слезах, в страшных диагнозах, в чисто американской мелодраматичности.

Поскольку Уильямс поздний, то и явление сексуальных меньшинств в пьесе какое-то старчески-неряшливое, рефлекслирующее. Впрочем, молодой здоровый организм «табакерки» «бациллу голубизны» успешно нейтрализует. Речь в «Старом квартале» идет о становлении нищего юного писателя среди прочей творческой богемы: чахоточных художников, белокровных художниц, наркоманов, стриптизеров... Писателя играет Сергей Безруков. Играет доверчивым, беспомощным мальчиком, с наивно округленными глазами и полукрытым в детском изумлении ртом. Все-таки это самый солнечный актер «табакерки», и на него можно ставить любую чернуху, нашу или заграничную, не боясь отпугнуть публику.

А отпугивать публику в «табакерке» не принято. Здесь жаждут успеха и дорожат им. К моменту своей первой круглой даты (в марте нынешнего года исполняется 10 лет с тех пор, как Студия Олега Табакова получила статус государственного театра) «табакерка» оказалась одним из самых притягательных мест в театральной Москве.

Подарки еще будут поступать,

но уже понятно, что самый шикарный из них преподнес мэр Москвы. Лужков лично приехал в «табакерку», лично пошутил с Табаковым («Один у тебя недостаток — в футбол не играешь», «У нас обоих молодые жены и маленькие дети, здесь мы совпадаем...») и оставил после себя красную папку с постановлением правительства Москвы от 25 февраля сего года. Которое гласит, что в 1997—1998 годах намечено строительство нового здания Театра под руководством Олега Табакова в Фурманном переулке. С залом на 400 мест (сейчас в известном полуподвале на Чаплыгина помещается 100 зрителей). И не просто здания, а целого комплекса, включающего, между прочим, отель и паркинг.

«Табакерка» — рядовой городской театр. То есть финансируется она не непосредственно мэрией, а весьма посредственно — через столичный комитет по культуре... Но в притязаниях на сердце Лужкова Табаков составляет сейчас серьезную конкуренцию и Захарову, и Колобову.

Уже четыре года у «табакерки» постоянный спонсор — «Инкомбанк». Зарплаты актеров по штатному расписанию невелики — от 500 до 700 тысяч рублей. Кроме этого, каждый получает за счет банка еще по окладу. А кто плотно занят в репертуаре — и по четыре, и по пять.

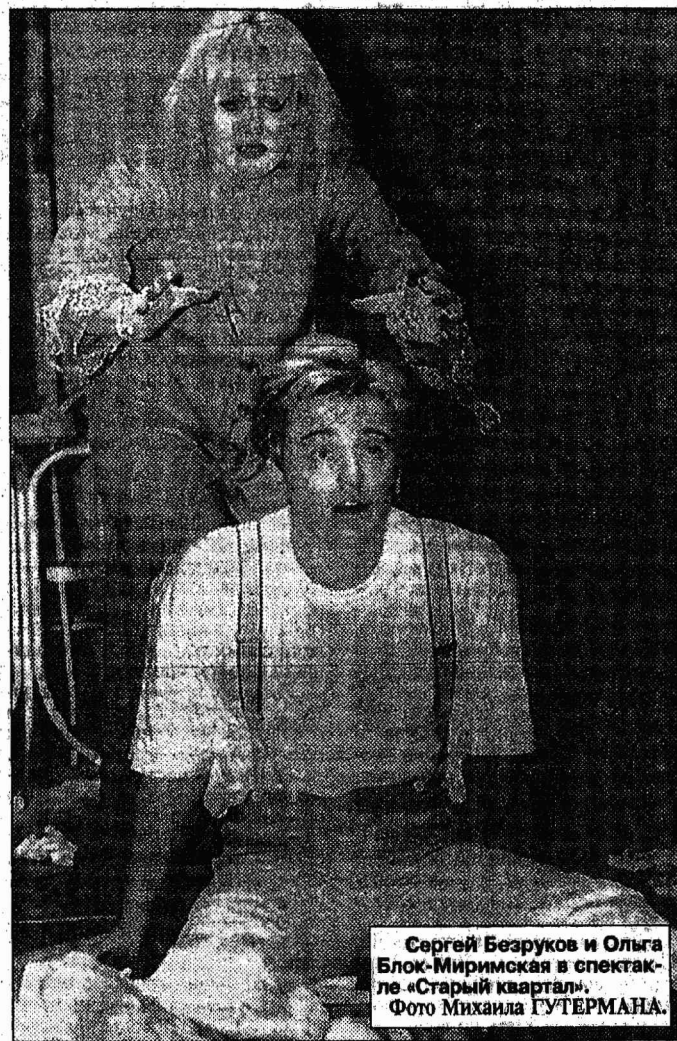
«Табакерка» живет, тыфу-тыфу не слазить, сыто и благополучно. Табаков, слегка рисуясь (иначе не умеет), но не без основания цитирует симоновского Серпилина: «Живы, накормлены, и тем я горд...» Добавим еще — одеты. К празднику театра актрисам шьют вечерние туалеты, актерам купили смокинги.

В труппе «табакерки» привычная актерская художность не в моде. Чудеса миниатюрности де-

монстрирует жена худрука Марина Зудина. Но Табаков категорически отрицает, что держит свою молодую половину в черном теле. Он вообще не придает значения физическим размерам. «Я никогда не считал стройность атрибутом одухотворенности», — объяснял мне Табаков, с удовольствием запивая в своем кабинете пирожки горячим бульоном...

Если без шуток, то и эмокинги, и помноженные оклады, и проектируемые отель с паркингом вписываются в очень цельную систему. Очень цельную и очень старую. Табаков ничего не изобретает. Он живет на «самоокупаемости» с 1974 года, с тех пор, когда поставил первый спектакль за границей. И театр свой ведет к той же цели — к финансовой свободе и независимости. Поскольку, по его мнению, «стоять с протянутой рукой — самое отвратительное, и нет работы тяжелее, чем просить деньги... А голодный художник быть не должен, это глупость и пошлость...».

«Табакерке» удалось вылучиться из студийного кокона в нормальный театр. Сегодня это редкость. Чаще наблюдаешь обратное: актеры уже потихоньку лысеют, однако все еще играют в студийцев. У табаковцев нет этой непритязательной милоты, этого коллективного трепета и обаятельного инфантилизма. Они суше, строже, взрослее духом, прагматичнее и профессиональнее. Потому что живут в условиях острой конкуренции. Табаков «запускает» одного ученика за другим. В 1990 году вышли на орбиту Владимир Машков и Евгений Миронов. Оба сейчас известны и признаны далеко за пределами «табакерки». Сегодняшнее лицо театра — двадцатитрехлетний Сергей Безруков. Но, говорят, и ему в

Сергей Безруков и Ольга
Блок-Миримская в спектакле
«Старый квартал».
Фото Михаила ГУТЕРМАНА.

затылок уже дышит следующая потенциальная «звезда» — Денис Никифоров, студент, 20 лет от роду...

Когда Табакову задают надоевший уже вопрос, из какого рукава он их достает, таких разных и таких замечательных, он обычно произносит два ключевых слова: «эгоизм» и «доверие». Эгоизм — потому что воспитывал партнеров для самого себя. С доверием яснее: назначить студента на главную роль, благословить актера на собственную постановку — всегда риск. В «табакерке» можно показать, на что ты способен. Но если не способен толком ни

на что, это заметно сразу. «Законы Дарвина пока никто не отменял, в искусстве тоже выживает сильнейший», — говорит Табаков.

Театр, начинавшийся как студия, стал до мозга костей буржуазным. По образу жизни, по образу мыслей, по хорошей, стабильной популярности. Может быть, «табакерка» — первый настоящий буржуазный театр в Москве. Оказывается, это не так уж страшно. В погоне за успехом «табакерка» может поступиться чувством меры и поддаться своему точному чувству конъюнктуры. Но это не преступление, если судить по законам Дарвина.